

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Николай
ЛЕОНОВ
Алексей МАКЕЕВ

Свой среди

больных

МОСКВА

2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л47

Оформление серии *А. Старикова*
Серия основана в 1994 году

Леонов, Николай Иванович.

Л47 Свой среди больных / Николай Леонов, Алексей Макеев. — Москва : Издательство «Э», 2018. — 320 с. — (Русский бестселлер).

ISBN 978-5-04-090698-7

Странные дела творятся в одной из средних школ. Пропали ученики — старшеклассница Лада и еще несколько ребят. Одному из парней удалось позвонить из некоего лечебного центра, занимающегося проблемами онкологии. Чтобы проверить подозрительное заведение, туда под видом привилегированного больного ложится полковник Крячко, а полковник Гуров постоянно держит с ним связь. Очень скоро сыщики понимают, что имеют дело с хорошо законспирированной медицинской лабораторией, которая проводит смертельные опыты над наркоманами.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Макеев А., 2018
© Оформление.

ISBN 978-5-04-090698-7

ООО «Издательство «Э», 2018

ГЛАВА 1

Столичные пробки... Современные летописцы могут слагать о них легенды. Многочасовое стояние на запруженных магистралях. Мечты о ближайшем перекрестке. Надежды на скорое освобождение, и очередное разочарование при виде нового многокилометрового хвоста дракона по имени «Час пик». Этот дракон сумеет одолеть любого, будь то выдающийся политик, поп-звезда, покорившая Олимп, или представитель городской власти. Ему все подвластно: эмоции, планы, чаяния и надежды. Все это он в один миг может обратить в ничто. Раздраженный комок нервов, вот во что превращает он любого, рискнувшего посягнуть на его территорию.

И теперь уже неважно, в котором часу ты выползаешь на дорогу. Дракон подстерегает тебя везде и всегда. В любое время суток. Двадцать четыре часа.

«Пежо» полковника Гурова влился в поток машин немногим позже девяти вечера. Он наивно полагал, что дорога до дома не займет много времени. Должна же быть в мире справедливость! Вот уже полутора суток Гуров не был дома. Кропотливая работа по сбору улик увенчалась успехом, и им с Крячко удалось разработать план по обезвреживанию опасной группировки, терроризировавшей всю Москву на протяжении двух месяцев. Потом задержание, многочасовые допросы, отчеты и рапорты. И вот наконец долгожданная свобода! Как не порадоваться? Ночь вступает в свои права, и он, полковник Главного управления Московского уголовного розыска, сдав задержанных на попечение следователя, имеет право насладиться ею в полной мере. Но тут в игру вступает закон подлости. Не желая облегчать и без того нелегкую жизнь оперативного работника, закон этот подсовывает ему новую задачу, требующую терпения и смирения. Что поделать, столичные пробки — штука непредсказуемая.

Родные пенаты показались на горизонте только без четверти двенадцать, но Гуров и этому был рад: отдых не за горами. Осталось припарковаться в скверике у дома, подняться на свой этаж, а там... Там любимая жена, сытный ужин и теплая постель.

О последнем Гуров мечтал особо. Растянуться на свежих простынях после горячего душа, что может быть прекрасней? Разве что обещанный генералом Орловым неожиданный-негаданный выходной. Под влиянием нахлынувших эмоций от удачного завершения бесперспективного, как казалось генералу, дела Орлов расщедрился и в приказном порядке выпроводил из отдела обоих полковников до утра понедельника. Значит, в распоряжении Гурова имеется целых три дня и еще четыре ночи в придачу. Мечта любого опера!

Вставляя ключ в замочную скважину, Лев нахмурился. Ему показалось, что он слышит голоса разговаривающих людей. Именно разговор, а не механическую речь из телевизора. Дело близится к полуночи, а в доме гости? И это при том, что Маша прекрасно знает, сколько времени он провел в погоне за преступниками? Странно. Очень странно. Может, показалось? Но нет, слух его не подвел. Как только дверь открылась, отрицать очевидный факт стало невозможно. В доме посторонние. «Двое мужчин и одна женщина. Быть может, Машины коллеги?» Вполне возможно. Жена полковника, являясь ведущей актрисой популярного драматического театра, принадлежала к категории столично-

го бомонда, а в их кругах легко перепутать день с ночью. Но в такой день... Все равно странно.

— А вот и он! — выплывая в коридор, пропела Мария. — Добрый вечер, дорогой! Проходи сразу на кухню, у нас гости. Ты ведь не против?

Что он мог ответить? Чмокнув жену в щеку, кивком поздоровался с незнакомцами, высунувшими физиономии из кухонной двери. Гости, смущенно улыбаясь, произнесли приветствие.

— Только руки помою, — отстраняя жену, сказал Лев и скрылся в ванной комнате. Там он включил воду и долго смотрел на свое отражение в зеркале. Очень долго. До тех пор, пока зеркало не покрылось плотным слоем конденсата. Затем, зачерпнув пригоршню, ополоснул лицо, протер зеркало висящим на крючке полотенцем и, глядя в него, усмехнулся: «Ну и рожа! Самый раз преступников пугать». Дольше оставаться в ванной было неприлично. Он закрыл кран, повесил полотенце на место и шагнул в коридор. Из кухни доносились приглушенные голоса и звон посуды. «Значит, кормить все-таки будут, — с иронией подумал Лев. — И на том спасибо».

Когда он вошел в кухню, разговор тут же стих. Гуров бросил взгляд на стол. Вот это

прием! Настоящее изобилие, скатерть-самобранка отдыхает! Поджаристые куриные крылышки, селедочка под луковым покрывалом, блестящие грибочки, блюдо с пирогами, несколько салатников, наполненных разноцветьем ингредиентов, которые сразу и не распознаешь. Апофеозом кулинарного искусства в центре стола красовался представитель рыбной фауны, то ли осетр, то ли его ближайший родственник, с кольцами лимона и неизменным пучком зелени в хищной пасти. Не говоря ни слова, Лев распахнул дверцу холодильника и выудил на свет поллитровку. Водрузив ее в центр стола, потянулся за стопками. Мужчины тут же воодушевились, одобрительно покашливая, а женщина недовольно поджала губы. «И пусть, — раздраженно подумал он. — В конце концов, это не я заявился к ним на ночь глядя. Имею право на полноценный отдых».

— Вот чего нам не хватало, — не преминула поддержать его жена. — А мы с вами, Ларисочка, ликерчиком себя побалуем. Лева, помнишь, нам с тобой ликер презентовали, тот, что из самой Италии. Как он называется? «Франжелико», кажется. Куда же я его поставила? Ах да, припрятала в гостиной, в платяном шкафу. Хотела прибегать для особого случая. Мне кажется, сей-

час он будет как нельзя кстати. Дорогой, не поможешь мне его найти?

Гуров взирал на супругу с недоумением: поведение Марии не вписывалось в привычные рамки. «Неужели ее так смущает визит коллег? Что-то на нее не похоже. Может быть, она беспокоится о моей реакции? Знает ведь, как я вымотался, вот и нервничает, — отправляясь вслед за женой в гостиную, размышлял он. — Все равно на нее не похоже. Не может же она думать, что я учиню скандал при посторонних?» Загадка разрешилась, как только супруги оказались одни.

— Лева, прошу тебя, не сердись! — зашептала жена, увлекая Гурова в дальний угол гостиной. — Я не могла им отказать, понимаешь? Такое горе! Как откажешь? Ведь ты не станешь сердиться на свою любимую жену?

Мария говорила быстро, торопясь сгладить ситуацию. А Лев начал догадываться, кем являются те, кто сидит у него на кухне в неурочное время.

— Так это не твои коллеги по театру? — протянул он.

— Не совсем, — призналась Мария. — Послушай, неудобно оставлять их там надолго одних. Ты сейчас сам все поймешь. ■ Только обещай не сердиться.

— А ликер?

— Он в кухонном шкафу, — спокойно сообщила Мария. — И всегда был там. Не думаешь же ты, что твоя жена станет прятать элитный алкоголь в нижнем белье?

Брови ее иронично изогнулись, и Гуров не удержался от ответной улыбки:

— Зачем же ты сказала это гостям?

— Мне показалось, будет невежливо, если я вытащу тебя из кухни без весомого предложения, — хихикнула Мария. — А так все выглядит вполне невинно.

— Кроме того, что вернемся мы без бутылки, — заметил Лев.

— Ничего, актрисам свойственно забываться. Особенно относительно хозяйственных дел. Мы ведь априори должны быть белоручками.

Мария первой вошла на кухню. Радостно улыбаясь, она кинулась к угловому шкафчику, распахнула дверцы и восторженно воскликнула, будто бросала реплику партнеру по сцене:

— Дорогой, ты, как всегда, оказался прав! Вот он, ликер! Представляете, совсем забыла, куда его поставила, — щебетала она, обращаясь к гостям. — Хорошо, у Левы память лучше моей.

Гуров не стал дожидаться конца сцены. Он сел на привычное место, откупорил бу-

тылку водки и наполнил три стопки. Мария к тому времени успела занять место возле него и уже протягивала ликерную бутылку.

Первую рюмку подняли неуверенно. Чокнулись без тоста, хотя Мария и пыталась что-то сказать. Лица присутствующих не располагали к воодушевляющим речам. Напряженное ожидание, написанное на них, портило картину. Так обычно выглядят родственники, скорбящие о безвременной кончине любимого дедушки. Причем дед их лежит в соседней комнате. Отставив стопку в сторону, Лев подцепил кусочек селедки, отправил ее в рот. Остальные к еде не притронулись.

— Дорогой, положить тебе картошечки? Она еще в духовке. Не стали вынимать, чтобы не остыла. — От бывшего энтузиазма Марии не осталось и следа, она уныло смотрела на мужа.

Гуров кивнул и протянул тарелку. Тарелка наполнялась, присутствующие молчали. Он добавил к картошке куриное крылышко и приступил к трапезе. Гнетущая тишина раздражала, но голод диктовал свои правила. Расправившись с картошкой, Лев снова наполнил стопки. И на этот раз выпили без тоста, правда, закусывать начали. Мария внесла свою лепту, попытавшись завязать ■ непринужденный разговор.

— Ох, я дрянная хозяйка! — всплеснув руками, заявила она. — Я ведь вас даже не представила. Это мой коллега, Стасик. Станислав Самохин. Он работает в авангардном театре. Его название тебе вряд ли о чем-то скажет, дорогой, но ты не сомневайся, Стасик невероятно талантлив. Когда-то мы с ним играли влюбленную парочку. В дипломном спектакле. Впрочем, это было давно! А это его брат, Евгений. Жену Евгения, Ларисочку, ты уже знаешь.

Гуров выслушал монолог жены без эмоций. Впрочем, от остальных Мария отклика тоже не дождалась. Взгляды гостей были обращены в пол. Видимо, все трое ждали, когда он отужинает и придет время приступить к серьезному разговору. После третьей стопки Лев отодвинул тарелку в сторону и произнес:

— Полагаю, это не просто светский визит? Кто начнет?

Гости переглянулись. Мария, опустив глаза, уставилась в пол.

— Давайте проясним ситуацию, — предложил он. — Меня не было дома тридцать восемь часов. Служебные дела, не терпящие отлагательства. Теперь я вернулся и обнаружил дома шикарный стол и кучу гостей. Поверьте, моя супруга нечасто устраивает мне подобные сюрпризы, а это значит лишь

одно: кому-то из вас срочно нужна помощь полиции. Кому и зачем?

Тишина становилась гнетущей. Мужчины хмурились и молчали. Лариса открыла было рот, но не смогла произнести ни слова. Вместо этого она расплакалась. Жалобно, со всхлипами. Тот, кого Мария представила как ее мужа Евгения, обхватил плечи жены и, казалось, сам был готов расплакаться. Станислав потянулся к бутылке. Гуров, отстранив руку Стасика, убрал спиртное и, сглаживая впечатление от своих действий, мягко произнес, глядя на жену:

— Маша, придется рассказывать тебе, раз гости молчат.

— Похоже, что так, — кивнула она. — Только я мало что знаю.

— Пока будет достаточно и малого, — подбодрил ее Лев.

— У Евгения и Ларисы есть дочь, — начала Мария. — Поздний ребенок, и все такое.

— Насколько поздний? — уточнил Гуров.

— Женьке пятьдесят, — вступил в разговор Станислав. — Лариса намного младше его. Они поженились, когда брату было тридцать два. Ларисе к тому времени сравнялось девятнадцать. Поздним ребенком

Ладочку можно назвать лишь условно. Для Женьки — да, а для Ларисы скорее ранний.

— Тем не менее оба они считают, что рождение Ладочки сродни чуду, — перебила его Мария. — Дело в том, что для Евгения это не первый брак. До Ларисы у него было три жены. Ничего трагичного или из ряда вон выходящего, просто человеку не везло. — Она с вызовом смотрела на мужа, ожидая возражений, но тот молчал. И Мария продолжила: — В трех первых браках у Евгения детей не было. Всякий раз врачи говорили, что проблема в нем. Он уже отчаялся когда-либо услышать заветные простые слова: ты будешь отцом. А тут Лариса забеременела. Конечно, тридцать два — не критический возраст для отцовства, но Евгения в этом случае можно назвать исключением. — Она вдруг поежилась под взглядом Гурова, поняв, что пора переходить к главному, и выпалила, точно в омут головой бросилась: — А теперь их девочка пропала.

Как только прозвучали роковые слова, Лариса забилась в рыданиях, не в силах сдержаться. Евгений крепился, хотя и он был на грани срыва. «Не хватало еще, чтобы они все тут разрыдались, — проворчал про себя Гуров. — Ох уж мне эти истеричные родственники!»